

Разум и вера

(Замечания в связи с энцикликкой папы Иоанна Павла II "Вера и разум")

В.Л. Гинзбург

С 2001 года по инициативе В.Л. Гинзбурга в сервере журнала УФН была открыта страничка "Трибуна УФН", где для начала были помещены статьи В.Л. Гинзбурга, касающиеся истории, философии, религии, различным явлениям в жизни общества. Читатели Интернета откликнулись на приглашение поучаствовать в дискуссии, и ряд материалов, появившихся в Интернете, принадлежит известным физикам: они продолжают разговор, начатый В.Л. Гинзбургом. Публикуемые ниже три статьи о непростых взаимоотношениях науки и религии, несомненно, могут заинтересовать читателя УФН.

PACS numbers: 01.65. + g, 01.70. + w, 01.75. + m

15 октября 1998 г. была опубликована энциклика папы Иоанна Павла II, название которой "Вера и разум" ("Fides et ratio"). Кстати сказать, 16 октября 1998 г. исполнилось 20 лет со дня избрания кардинала Кароля Войтылы папой римским, и упомянутая последняя (13-я по счету) его энциклика приурочена, по-видимому, к этому юбилею.

1. "Вера и разум подобны двум крылам, на которых дух человеческий возносится к созерцанию истины. Сам Бог заложил в сердце человека желание познать истину и в конечном итоге познать Его, чтобы тот, познавая и любя Его, мог достичь полноты истины в себе самом" [1]. Такими словами начинается энциклика, посвященная проблеме отношений между верой в Бога, религией и богословием, с одной стороны, и разумом, наукой и философией — с другой. Папе 78 лет, и можно думать, что объемистая энциклика "Вера и разум" (в ней помимо введения имеется 7 глав, она разбита на 108 пунктов) является, так сказать, его богословским завещанием. Оно отражает видение места и содержания католицизма на начало третьего тысячелетия нашей эры. Как будут реагировать на энциклику богословы, судить не берусь. Что же касается философов и религиоведов, то они, безусловно, должны с большим вниманием отнестись к энциклике Иоанна Павла II — выдающегося и высокообразованного человека.

Впервые опубликовано в журнале *Вестник Российской академии наук* 69 № 6 (1999)

В.Л. Гинзбург. Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН
119991 Москва, Ленинский просп. 53, Российская Федерация
Тел. (095) 135-85-70. Факс (095) 135-85-33
E-mail: ginzburg@lpi.ru

Статья поступила 1 октября 2001 г.

2. Позволю себе сделать замечания к этой энциклике или, скорее, в связи с ней, хотя и являюсь дилетантом в философии и, тем более, в религиоведении. Однако отношение к дилетантам существенно зависит от области, в которой они подвизаются. Так, за 60 лет профессиональной работы как физика я ни одного раза не столкнулся с тем, чтобы в бесчисленных предложениях любителей физики, выдвигающих свои гипотезы о строении материи или пространства-времени, содержалось что-либо ценное. Конечно, не боги горшки обжигают, а физики-профессионалы не какие-то небожители. Просто в наши дни передний фронт физики ушел далеко вперед и оказался отделенным от человека со средним образованием или от инженера широкой полосой, заминированной огромным фактическим материалом и математическими формулами. На преодоление этой полосы нужны годы труда даже для людей с большими способностями. Для толкования и исследования исторических или богословских текстов также нужно предварительно затратить немало сил. Вместе с тем, как я убежден, каждый образованный человек может (и даже должен) выработать собственное мнение о разуме и вере, атеизме и религии. Быть может, сказанное очевидно, но я боюсь упреков в том, что занялся не своим делом. Впрочем, занялся только под давлением обстоятельств.

3. Как известно, с крахом большевистского (ленинско-сталинского) режима у нас в стране образовался в известной мере идеологический вакуум. В результате на смену "воинствующим безбожникам" пришли Русская Православная Церковь (РПЦ) и другие религиозные организации и секты. В то же время очень многие полностью отошли от всякой идеологии, разве что только не от воровской. РПЦ особенно преуспела, ее представители часто появляются на экранах телевизоров, а их статьи и религиозная информация — на страницах газет. Голоса же атеистов почти не слышны. Одни боятся действовать вопреки конъюнктуре и моде; другим, вероятно, и не дают возможности высказы-

ваться. Единственное известное мне исключение — журнал "Здравый смысл", издающийся Российским гуманистическим обществом, базирующимся на философском факультете МГУ. Но ведь тираж этого журнала составляет всего 1000 экземпляров, в то время как, например, православный митрополит каждую неделю выступает по телеканалу ОРТ, т.е. имеет многомиллионную аудиторию.

В подобной ситуации в некоторых клерикальных кругах, видимо, решили, что атеизм в России побежден. Так или иначе, в "Литературной газете" от 8 апреля 1998 г. была помещена беседа со служителем РПЦ, который заявил, что "сегодня атеист — крайне редко встречающееся существо, занесенное в Красную книгу". Абсурдность такого заявления несомненна, но, думаю, известна не всем, поэтому мы с Е.Л. Фейнбергом сочли невозможным оставить подобное утверждение без ответа [2]. По некоторым причинам я счел себя обязанным опубликовать в газете "Поиск" еще две статьи, защищающие атеистическое мировоззрение [3, 4].

4. Последняя из них представляет собой, по сути дела, рецензию на книгу физика и одновременно англиканского священника Д. Полкинхорна "Вера глазами физика" [5]. Из этой книги читатели узнают о богословском направлении, именуемом естественной теологией (natural theology). Цель ее — попытаться "до некоторой степени познать Бога с помощью разума или на основании общего опыта", ибо "наука и богословие едины в убеждении, что существует некая истина относительно природы вещей, которая может быть открыта и понята... Конечно, наука и религия имеют дело с разными аспектами истины, относящейся к одному миру — миру человеческого опыта. Объект научного исследования — объективные явления, которые можно проверить экспериментальным путем, в то время как религия обращается к надличностной реальности Бога, т.е. месту встречи, где исследование должно уступить место доверию, где отклик человека заключается не только в понимании, но в послушании" [5, с. 6]. Естественные теологи признают науку, "позволяющую нам понять великолепную картину физической вселенной и ее историю, тем не менее еще больше меня (пишет Полкинхорн. — В.Л.Г.) волнует и еще более значительными мне представляются религиозные прозрения, которые позволяют увидеть божественный Разум и Волю, лежащие за пределами того, что может раскрыть наука" [5, с. 6]. Недавно появилась новая книга Полкинхорна на ту же тему, название которой — "Вера в Бога в век науки" [6] — говорит само за себя.

5. Интересна рецензия на эту книгу, написанная космологом Г. Эллисом [7]. Рецензент считает, что атеисты — ученые и философы — демонстрируют отсутствие гибкости (great rigidity), высказывая абсолютную убежденность в своей позиции, хотя речь идет о метафизических вопросах, в отношении которых нельзя делать вполне определенные научные утверждения. С другой стороны, представители естественной теологии (как физики, так и философы), по мнению Эллиса, гибки и лучше понимают проблему взаимосвязи между наукой и религией. Подобное мнение представляется мне плодом непонимания сущности атеизма.

Атеист отрицает всякое существование Бога, чего-то за пределами природы. Разумеется, подобное убеждение есть "интуитивное суждение" [8, 9], которое нельзя

доказать. Интуитивным суждением является и вера в Бога. Однако между двумя этими суждениями есть существенная разница: атеист базируется на науке, на исследованиях и анализе природных явлений или экспериментов, религия же допускает возможность чудес, опирается на некоторые чудеса (то есть утверждения, не допускающие проверки и противоречащие научным данным). Так какую же гибкость должен проявлять атеист? Разве что он может критиковать те или иные богословские упражнения и попытки как-то примирить религию с наукой? Богословы же находятся в иной позиции: ибо догматы религии образуют для них некоторый жесткий каркас. Поэтому богословам приходится каким-то образом приспособливаться ко все время развивающейся науке. Конечно, много веков назад религия могла не заботиться (или мало заботиться) о доводах науки, находившейся в младенческом возрасте. Если нет науки, то и само понятие о чуде теряет смысл — все возможно, можно верить во что угодно. Тем самым открыта дверь догматизму, любым выдумкам и слепой вере.

6. Отсюда и известная "формула" Тертуллиана "Верую, ибо нелепо". Но она датируется II или III в. н. э. Типично также замечание кардинала Баронни: "Намерения святого духа заключаются в том, чтобы научить нас, как взойти на небеса, а не тому, как движутся небеса". Но уже в борьбе с коперниканством и конкретно с Галилео Галилеем (1564–1642) церковным деятелям пришлось изощряться, отстаивая религиозные догмы (весьма любопытны соответствующие высказывания "увещевателя" Галилея кардинала Беллармина: см., например, [10–12] и указанную там литературу). Как богословы "взаимодействовали" с учеными в те времена, хорошо видно из послания Галилея великой герцогине Кристине Лотарингской.

"Профессора-богословы не должны присваивать себе права регулировать своими декретами такие профессии, которые не подлежат их ведению, ибо нельзя навязывать естествоиспытателям мнения о явлениях природы... Мы проповедуем новое учение не для того, чтобы посеять смуту в умах, а для того, чтобы их просветить: не для того, чтобы разрушить науку, а чтобы ее прочно обосновать. Наши же противники называют ложным и еретическим все то, что они не могут опровергнуть. Эти ханжи делают себе щит из лицемерного религиозного рвения и унижают Священное писание, пользуясь им как орудием для достижения своих личных целей... Предписывать самим профессорам астрономии, чтобы они своими силами искали защиты против их же собственных наблюдений и выводов, как если бы все это были одни обман и софистика, означало бы предъявлять к ним требования более чем невыполнимые: это было бы все равно, что приказывать им не видеть того, что они видят, не понимать того, что им понятно, и из их исследований выводить как раз обратное тому, что для них очевидно".

Кстати сказать, эти слова звучали вполне современно в течение почти всего недавнего советского периода, естественно, с заменой профессоров-богословов на профессоров-марксистов и Священного писания на марксизм ленинизм.

7. За четыре столетия, отделяющие нас от времен Галилея и Кеплера, наука так далеко шагнула вперед, что это трудно даже осознать. Только один пример: еще в 1618 г. даже Кеплер в своей книге "Очерки коперниковой астрономии" считал, что существует сфера неподвижных

звезд, которая "состоит из льда или кристалла" (!). А какие успехи достигнуты с тех пор в физике, биологии, медицине, технике! Мы живем совсем в другом мире по сравнению со средними веками, не говоря уже о начале христианского летоисчисления.

Религия же (конкретно христианство), по существу, осталась той же, что и два тысячелетия назад. Было, правда, затрачено огромное количество труда (как мы бы сейчас сказали, человеко-дней или, скорее, человеко-лет) на обсуждение различных богословских вопросов, на споры (иногда кровавые) о том, например, креститься ли двумя или тремя пальцами и в какую сторону. Христианство разбилось на ряд направлений, из которых важнейшими являются католичество (850 млн), протестантизм (400 млн) и православие (150 млн). Каждая из этих конфессий, и особенно протестантизм, далеко не монолитны, в их недрах идет борьба, порою яростная. В частности, различия во взглядах и стиле богословских высказываний разных православных деятелей просто поражают. Кстати сказать, верующих в Бога или точнее, людей религиозных (т.е. исповедующих какую-то религию, например, христианскую, а не пантеистов, деистов и т.д.) должно, как мне представляется, удивлять наблюдающееся многообразие верований и направлений даже в пределах одной и той же религии.

Если бы Бог существовал, то он, казалось бы, вселил одну веру и одни и те же идеи в сердца верующих, а не допустил бы кровавые религиозные войны, инквизицию, распад того же христианства на разные конфессии и секты. Конечно, это не доказательство несуществования Бога, доказать подобное интуитивное суждение вообще невозможно [8]. Однако разве не поражает контраст с ситуацией в науке, для которой в наше время характерно глубокое единство — есть одна мировая наука, не знающая национальных границ, не говоря уже об этнических границах. Конечно, и в науке возникают какие-то разногласия и дискуссии, но они разрешаются в процессе ее развития, оставляя далеко позади различные лженаучные построения вроде астрологии (несколько подробнее о состоянии науки и лженауки см., например, [16]).

8. Пора, однако, вернуться к основной теме настоящей статьи — эволюции взглядов церкви на соотношение и связь религии и науки, веры и разума.

Евангельская легенда повествует, что на вопрос Понтия Пилата: "Что есть истина?" Иисус Христос не ответил. Христианская церковь сочла ответ ей известным и долгие века пыталась диктовать науке свое понимание того, что истинно и что ложно. Выше это уже было проиллюстрировано на примере конфликта церкви с Галилеем, осужденным судом инквизиции в 1633 г. Еще раньше, в 1600 г., был сожжен на костре Дж. Бруно, также за несогласие с "истинами", провозглашенными церковью. (Таким образом, в 2000 г. отмечалась не одна, а две круглые даты в истории христианства.) Только Иоанн Павел II открыл новую страницу в истории католицизма и, кстати сказать, не без влияния итальянского физика А. Дзюкики и других европейских физиков (17) пересмотрел "дело" Галилея и реабилитировал его в 1992 г.

Не будем, однако, без конца напоминать о старом. Позиция же, занимаемая церковью сегодня, и, вероятно, та, которую она будет занимать в обозримом будущем, как раз и отражена в энциклике "Вера и разум", насколько понимаю, продолжающей линию Второго Вати-

канского собора (1962–1965). Здесь возможно лишь упомянуть основные защищаемые в ней тезисы.

9. Чаще всего в энциклике употребляется, вероятно, слово "истина" (truth в английском тексте). По словам папы, "человека можно определить как того, кто ищет истину" (п. 28 — здесь и ниже пункты из [1]). Человек способен познать истину, и "чем дальше он познает реальность и мир, тем глубже познает себя в своей уникальности и тем настоятельнее встает перед ним вопрос о смысле вещей и самого его бытия. И все, что становится предметом нашего знания, именно поэтому становится частью нашей жизни. Суровое требование "Познай самого себя", высеченное на храме в Дельфах, — свидетельство основополагающей истины о том, что человек именно постольку человек, поскольку он способен познать себя" (п. 1). Церковь признает роль разума (и, конкретно, философии) в познании истины, но считает, что достичь полноты понимания истины о человеке и окружающей его реальности (видимой и невидимой) только разумом невозможно. Это главное, центральный пункт.

Папа обсуждает и критикует различные философские направления (эклектизм, историцизм, сциентизм, прагматизм, нигилизм и т.д.), которые не могут, по его мнению, помочь человеку правильно ответить на вопросы жизни и объяснить веру. Но есть (или должна быть) и "хорошая" философия, которая явится "незаменимой помощью, чтобы углубить понимание веры и сообщить евангельскую истину всем, кто еще не знает ее" (п. 5). Однако многократно повторяется уже упоминавшаяся мысль, что одной философией (разумом) не обойтись, нужно еще Откровение, ибо "истина, постигнутая через философское размышление, и истина Откровения не перепутываются, как и ни одна из них не делает другую излишней" (п. 9). Намерения же Бога определяются таким образом: "Будучи источником любви. Бог желает, чтобы Его познали, а то знание, которое имеет о Нем человек, ведет к завершенности любого другого истинного знания о смысле его собственного бытия, которое в состоянии постичь его разум" (п. 7). В то же время "Вера, которая основана на свидетельстве Божьем и пользуется сверхъестественной помощью благодати, действительно принадлежит к иному порядку, нежели философское познание. Ибо последнее опирается на чувственное восприятие, на опыт и движется в свете одного лишь интеллекта. Философия и наука принадлежат к порядку природного разума, тогда как вера, просвещенная и ведомая Духом, признает в благовести спасения полноту благодати и истины, которую Бог захотел явить в истории и окончательным образом через Сына Своего Иисуса Христа" (п. 9). Во избежание недоразумений нужно подчеркнуть, что и при научном подходе отнюдь не отрицается необходимость в некоторых случаях прибегать к внелогическим, интуитивным суждениям [8]. Однако они не имеют ничего общего со "сверхъестественной помощью благодати" и Откровением, которое, согласно религиозным воззрениям, содержится в Библии или Коране.

10. Можно надеяться, что смысл энциклики ясен уже из изложенного. Церковь проповедует в настоящее время необходимость и единство двух путей или направлений познания — научного, основанного на разуме, опыте, философии, и религиозного, основанного на вере. Оба эти пути не противопоставляются: "Эта истина, которую

Бог открывает нам в Иисусе Христе, отнюдь не найдется в противоречии с истинами, достижимыми философским путем. Более того, два порядка познания ведут к истине в ее полноте. Единство истины — это уже основополагающий постулат человеческого разума, выраженный в принципе непротиворечия. Откровение дает гарантию этого единства, показывая, что Бог-Создатель — это и Бог истории спасения. Один и тот же Бог, Который творит и обеспечивает умопостигаемость и разумность естественного порядка вещей, на который с полным доверием полагаются ученые; это тот самый Бог, Который открывается как Отец Господа нашего Иисуса Христа" (п. 34).

11. Энциклика папы — это документ католицизма. Мы видели, однако, что представитель англиканской церкви Д. Полкинхорн придерживается, по сути дела, тех же взглядов [5, 6]. Поскольку в России самой распространенной религией является православие, а в православии главенствует РПЦ, нас не может не интересовать ее отношение к науке. На этот счет я знаком, к сожалению, лишь с кратким сообщением о соборных слушаниях на тему "Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий" [18]. Патриарх Алексий II в своем выступлении, в частности, сказал: "Критерием отделения зерна от плевел в этой сложной области (имеются в виду наука и техника. — В.Л.Г.) может стать духовный опыт и духовное водительство церкви"; и далее: "...среди своих трудов ученый должен пребывать в должном смирении и благоговении перед Богом, направляя свою энергию на то, чтобы в меру возможностей содействовать воплощению Божьего замысла о мире и человеке... Люди, создающие самые современные научные знания и новейшие технологии, нуждаются в прочной опоре, духовной традиции православия". Из этого выступления патриарха и некоторых других сведений, которыми я располагаю, явствует, что РПЦ не занимает какую-либо агрессивную позицию по отношению к науке. Каюсь РПЦ в отношении ученых, насколько знаю, тоже не в чем — Галилея она не осуждала и Дж. Бруно на костре не сжигала. Другое дело, что когда совсем недавно РПЦ пришлось непосредственно столкнуться с современной наукой, она от науки отвернулась. Здесь имеется в виду идентификация останков царской семьи. Как известно, генетические экспертизы с полной достоверностью установили происхождение этих останков в согласии со всеми иными экспертизами. Но РПЦ не признала справедливости научной экспертизы. Несомненно, сделано это было, скорее, по внутрицерковным мотивам (возможно, в силу соперничества с зарубежной православной церковью и т.п.), но указанное пренебрежение научными данными все же весьма симптоматично.

Относительно претензий патриарха на то, что православная церковь способна помочь научным исследованиям и ученым своим "духовным опытом" и т.д., у меня никаких данных нет. Убежден, что православие, как и любая другая религия, чуждо науке и о какой-нибудь пользе здесь речи быть не может. Как мы видели, существуют иные мнения. В частности, в отношении православия их придерживаются Президент РАН академик Ю.С. Осипов [16, 19] и бывший министр науки и технологий академик В.Е. Фортов [16]. Полемизировать с ними в настоящей статье было бы неуместно. Констатирую только, что сегодня важнейшие христианские церкви — католическая, протестантская (к ней можно

отнести англиканскую церковь) и православная — занимают по отношению к науке единую позицию: наука (разум) признается, но как нечто равноправное, в лучшем случае, с верой в Бога и догматы христианства. В общем, вульгаризуя, можно сказать, что церковь предлагает науке "жить дружно" и даже сотрудничать. Такое сотрудничество в известных пределах возможно, ибо церковь защищает "свои" чудеса, оберегает свою территорию и борется со всяким шарлатанством, суевериями, астрологией, бесовщиной и т.п. Религиозные же чудеса не приносят обществу, людям такого же вреда, как обращение к знахарям, астрологам и т.д.

12. Людей верующих такая ситуация должна устраивать, но для атеиста здесь нет базы для дискуссии, поскольку он отрицает само существование Бога и возможность исповедовать религию. Сейчас необходимо вместе с тем уточнить понятия и терминологию. Под верой в Бога понимается "интуитивное суждение", согласно которому, помимо природы, всего окружающего нас мира, существует еще что-то. Это может быть какой-то абсолютный разум, не вмешивающийся ни во что земное, но создавший Вселенную (несколько условно, будем говорить о деизме). Иногда верующими называют и пантеистов, отождествляющих Бога с природой, но я не понимаю, чем пантеизм отличается от атеизма.

Приходилось сталкиваться и с термином "космическая религия". Именно такое понятие использовал великий Эйнштейн, отмечавший, что это "космическое религиозное чувство не ведает ни догм, ни Бога, сотворенного по образу и подобию человека"; "оно не приводит ни к сколько-нибудь завершенной концепции Бога, ни к теологии". Эйнштейн был атеистом и пользовался религиозной терминологией лишь в условном смысле. Например, он писал: "Я не могу найти выражения лучше, чем "религиозная", для характеристики веры в рациональную природу реальности... Какое мне дело до того, что попы наживают капитал, играя на этом чувстве?" (все цитаты из трудов Эйнштейна приводятся согласно [8], где, разумеется, даны и оригинальные ссылки).

Наконец, фигурирует теизм — вера (опять же "интуитивное суждение") в существование Бога, создавшего Вселенную и человека, вмешивающегося в земную жизнь, способного совершать и совершающего чудеса. Конкретно, к теизму относятся *христианство, верящее в божественность Библии, в воскрешение из мертвых, в загробную жизнь* и т.д. Вот христианство, так же как иудаизм и ислам, — это уже религия. Разумеется, религиозный человек — это верующий человек, но не наоборот: пантеизм, деизм и т.п. — это не теизм и религия (во всяком случае, при принятом выше определении).

13. Посещение церкви или, скажем, синагоги считается признаком религиозности и веры в Бога. Но, вообще говоря, такое заключение ошибочно. Ярким примером в этом отношении может служить И.П. Павлов. Он систематически посещал церковь и, кроме того, направил письмо в Совет Народных Комиссаров с просьбой не разрушать Троицкий собор, отказался от кафедры в Военно-медицинской академии в знак протеста против изгнания из числа студентов детей священников и т.д. Казалось бы, верующий православный человек, таким он и прослыл у нас на основании

ложной информации. На самом же деле И.П. Павлов "конечно, был полный атеист и никаким иным быть не мог...". Это цитата из воспоминаний М.К. Петровой — ближайшей сотрудницы и друга И.П. Павлова. Петрова приводит и такие слова Павлова: "Человеческий ум ищет причину всего происходящего, и когда он доходит до последней причины, это есть Бог. В своем стремлении искать причину всего он доходит до Бога. Но сам я не верю в Бога, я неверующий". Ходил Павлов в церковь "не из религиозных побуждений, а из-за приятных контрастных переживаний. Будучи сыном священника, он еще в детстве любил этот праздник (речь идет о Пасхе. — В.Л.Г.). Он объяснял эту любовь особенно радостным ощущением праздничных дней, следующих за Великим Постом". А защищал Павлов верующих и церковь из вполне понятных соображений о справедливости и свободе совести, протестуя против большевистского варварства.

В общем, совершенно ясно, что в молитвенные дома ходят не только религиозные люди. Да и различные религиозные обряды исполняют и молятся отнюдь не только глубоко верующие и преданные церковным канонам. Мой собственный отец иногда молился и даже ходил в синагогу, но когда я с юношеской запальчивостью требовал объяснений и доказательств существования Бога, отвечал очень просто: "Когда молюсь, вспоминаю своих родителей, детство; хочу отвлечься от тягот этой жизни". А был он человеком образованным (инженером штучного дореволюционного "производства"). Что же говорить о людях малограмотных, несущих свою тяжкую ношу и только на Бога и уповающих.

14. Настоящая статья не научный трактат, ее жанр мне даже трудно определить. Так или иначе, позволю себе написать и о своих взглядах. Я не "воинствующий безбожник" и никогда им не был. Более того, я понимаю, что вера в Бога и религия способны помогать людям, особенно в тяжкие минуты. Религия может также способствовать укреплению морали и соблюдению этических норм. Отсюда раньше всего следует требование свободы совести, т.е. свободы верить в Бога или не верить, выбора вероисповедания (конечно, речь не идет о каких-то изуверских сектах) и, разумеется, свободы других взглядов (атеизма, агностицизма). Но отсюда же следует и требование полного отделения церкви от государства.

В советские времена такое положение фигурировало в Конституции, но фактически государство угнетало верующих и мешало отправлению церковных обрядов. В постсоветской России отделение церкви от государства также декларировано в Конституции, но опять же государство нарушает Конституцию, хотя и "с другим знаком" — насаждает религию и покровительствует ей, особенно РПЦ. Здесь и таможенные льготы, и передача имущества, в частности, бывших церквей, давно превращенных в музеи, восстановление церквей и, конкретно, Храма Христа Спасителя. Взрыв Храма был, несомненно, варварским актом, которому не может быть прощения. Но восстановление этого Храма, отнюдь не на деньги верующих, а, пусть и косвенно, на колоссальные деньги, деньги всего населения, я считаю также недопустимым в условиях обнищания людей, голодающих учителей и врачей. А что сказать о мелькающих на телеэкранах эпизодах "освящения" новых зданий и казарм, о религиозных передачах на государственных радио и телевидении? Об атеистическом же просвещении

"Есть Всевышний на небе, или нет Всевышнего — это исключительно интуитивное суждение!" — В.Л. Гинзбург.

совсем забыли.

Все это, однако, другая тема. Здесь же я не постесняюсь сказать, что часто завидую верующим: им легче "списать" на волю Божию вопиющую несправедливость и всю горечь жизни, которые мы каждодневно чувствуем и наблюдаем в нашем обществе. Им легче думать о тяготах старости и о неизбежной смерти. Блажен, кто верует (впрочем, не уверен, что вкладываю в эту фразу общепринятое содержание). Разум, однако, дан человеку не для того, чтобы поддаваться эмоциям и идти на поводу у предрассудков и обветшалых верований седой древности. Знакомство с богословием лишь укрепило мои атеистические убеждения, т.е. интуитивное суждение о том, что существует лишь Природа и управляющие ею законы, которые познает или, во всяком случае, старается познать разум и руководимая им наука.

15. Огромные достижения науки в познании окружающего мира и вместе с тем понимание того, сколь многого мы еще не знаем, могут породить (и фактически порождают) мысли о каком-то абсолютном разуме или, если угодно, о Боге. Повторяя и присоединяясь к известным словам Лапласа о том, что он "не нуждается в подобной гипотезе", я все же могу до какой-то степени понять тех, кто привержен указанной вере в абстрактного Бога. По-видимому, это деизм, дело не в названии. Но вот теистическая вера в Бога, вмешивающегося в земные дела, совершившего и совершающего чудеса, вера в загробную жизнь и в божественность Библии и т.п.

представляются просто пережитками древности и средневековья. Как можно во все это верить на пороге XXI в. — выше моего понимания, если речь идет об образованных людях. Совершенно непонятно также, как теисты могут объяснить множественность религий (см. выше) и, главное, сохранить веру во всемогущего Бога, допускающего геноцид, безразлично взирающего на звериный оскал фашизма и большевизма, страдания многих миллионов людей. Богословы все это "объясняют", но это схоластические упражнения. Во всяком случае, таково мое мнение даже о суждениях на этот счет Иоанна Павла II [22]. Теизм и религия несовместимы с научным мировоззрением и научным мышлением (несколько подробнее см., например, [3, 4]). Только научные исследования способны приближать к истине, познание же истины в результате Откровений и чтения священных книг (Библии и т.д.) и сочинений отцов церкви, по убеждению атеистов, совершенно невозможно.

16. То обстоятельство, что верующих еще много, объясняется, в первую очередь, тем, что огромное большинство из 6 млрд людей, обитающих на Земле, необразованны и далеки от науки. Видеть летающие самолеты, слушать радио и смотреть телевизор — еще недостаточно для того, чтобы приобщиться к современной цивилизации. К тому же даже так называемая гуманитарная интеллигенция, в общем, образована весьма односторонне, и ее представители в отношении естественнонаучных знаний нередко еще находятся на средневековом уровне. Последнее утверждение неплохо иллюстрируется тем фактом, что на вопрос о причине смены времен года сплошь и рядом дают неверный ответ [2]. Слой же широко образованных людей очень тонок. Так, любопытно, что опрос, произведенный в 1996 г. в США среди людей, считающихся по некоему реестру учеными, привел к такому выводу: число верующих составляет около 40 % опрошенных [23]. В то же время (точнее, в 1998 г.) среди опрошенных членов Национальной академии наук США верующими назвали себя уже только 7 % [24].

Чем человек образованнее, тем меньше вероятность, что он верит в Бога, является теистом. Папа надеется [1], что люди на основе веры в Бога все лучше и лучше будут понимать, что есть истина. Я же убежден в обратном — в том, что со временем кризис религии только усилится и с торжеством образования и науки верить в чудеса, таинства и т.п. будет все меньше и меньше людей. В этом направлении за последние 400 лет человечество проделало огромный путь. Но нельзя не видеть и того, что процесс освобождения от предрассудков, лженауки и религии замедлился. К сожалению, у меня нет оснований для особого оптимизма в этом отношении, особенно в России. Но это не значит, что атеисты должны сидеть сложа руки, их долг — способствовать атеистическому просвещению и противостоять росту клерикализма.

17. Иоанн Павел II начинает свою энциклику, как уже упоминалось, сравнивая веру и разум с двумя крыльями, "на которых дух возносится к созерцанию истины". Для атеиста подобная метафора представляется неправомерной, ибо, опираясь на одно из этих крыльев — на веру в Бога, успеха в познании истины достичь нельзя. Но если использовать все же привлекательный образ птицы в качестве символа прогресса, то можно предложить такую формулу: разум и воля — вот те два крыла, на которых человеческая цивилизация и культура возне-

сутся ввысь. Роль разума здесь ясна, но его недостаточно, чтобы помешать человеческому обществу сбиться с верного пути и, скажем, скатиться к тоталитаризму. Нужна еще воля, сильная воля для того, чтобы защищать плоды разума (науку), демократию, свободу и прогресс.

Список литературы

1. Encyclical letter "Fides et Ratio" of the supreme pontiff John Paul II to the bishops of the catholic church in the relationship between faith and reason. Libreria editrice Vaticana. Vatican city (Краткое изложение в российской католической газете *Свет Евангелия* № 37 11 октября, (1998))
2. Гинзбург В Л, Фейнберг Е "Нас, атеистов, не так уж мало... *Литературная газета* № 22 3 июня (1998) (Без сделанных газетой сокращений эта статья под названием "Об атеизме, материализме и религии" опубликована в журнале *Здоровый смысл* № 9 54 (1998))
3. Гинзбург В Л "Вера в Бога несовместима с научным мышлением" *Поиск* № 29-30 (1998)
4. Гинзбург В Л "Еще раз о религии и науке" *Поиск* № 38 (1998)
5. Полкинхорн Д "Вера глазами физика" (богословские заметки мыслителя "снизу-вверх") (М.: Изд. Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 1998) (это перевод книги: Polkinghorne J "Science and Christian belief. Theological reflections of a bottom-up thinker", London, 1994)
6. Polkinghorne J "Belief in God", in an *Age of Science* (Yale University Press, 1998)
7. Ellis G "Are science and religion compatible?" *Physics World* Vol. 11 No 9. p. 49 (1998)
8. Фейнберг Е Л "Две культуры" (интуиция и логика в искусстве и науке (М.: Наука, 1992) (дополненное издание: Feinberg E L *Zwei Kulturen* (Berlin: Springer-Verlag, 1998)
9. Фейнберг Е Л "Наука, искусство и религия" *Вопросы философии* № 7 54 (1997)
10. Гинзбург В Л *Гелиоцентрическая система и общая теория относительности* (от Коперника до Эйнштейна); Гинзбург В Л *О теории относительности* (М.: Наука, 1979) с. 7–61
11. Идельсон Н И "Галилей в истории астрономии" *Галилео Галилей* (М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1943)
12. Кузнецов Б Г *Галилей* (М.: Наука, 1964)
13. Малерб М *Религия человечества* (М.-СПб.: Рудо-мино, 1997)
14. "Антоний, митрополит Сурожский". *Человек перед Богом* (М.: Центр по изучению религий, 1995)
15. *Митрополит Антоний (Мельников)*. Открытое письмо священнику Александру Меню *Православное книжное обозрение* (М.: Ковчег, 1998)
16. Александров Е Б, Гинзбург В Л "О лженауке и ее пропагандистах" *Вестник РАН* № 3 (1999)
17. *Physics World*. Vol. 11 No 11 p. 11 (1998)
18. *Поиск* № 13 14 (1998)
19. Осипов Ю С "Истина не доказывается, а показывается" *Воскресная школа* (еженедельное приложение к газете *Первое сентября*) № 22 с. 8 (1998)
20. Митрохин Л Н "Научное знание и религия на рубеже XXI века" *Вестник РАН* (в печати)
21. Петрова М К "Из воспоминаний об академике И.П. Павлове" *Вестник РАН* № 11 (1995)
22. Папа Иоанн Павел II *Переступить порог надежды* (М.: Истина и жизнь, 1995)
23. *Nature* 386 435 (1997)
24. *Nature* 394 313 (1998)